

Научная статья
 УДК 342.951:351.82
<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.18>

О НЕКОТОРЫХ ВОПРОСАХ АДМИНИСТРАТИВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА ПРАВОНАРУШЕНИЯ В ОБЛАСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ЭКСТРЕМИСТСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Павел Андреевич Шетогубов

Саратовская государственная юридическая академия (д. 104, стр. 1, ул. Н. Г. Чернышевского, Саратов, 410056, Российская Федерация)
 Соискатель
shetogyboff@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-3002-6366>

Аннотация. Введение. Работа посвящена анализу отдельных вопросов правового регулирования административной ответственности за правонарушения в области противодействия экстремизму. Отталкиваясь от авторского понимания данных категорий, в статье предпринимается попытка построения классификации составов административных правонарушений экстремистской направленности. Анализируя полученную совокупность норм об административных правонарушениях, автор фокусируется на части составов, родовым объектом которых выступает общественный порядок и общественная безопасность. **Материалы и методы.** Применение методов формально-правового анализа вкпе с обращением к позициям исследователей административной ответственности за правонарушения в области противодействия экстремизму позволило прийти к выводу о целесообразности пересмотра отдельных законодательных положений о порядке применения и объема административной ответственности в рассматриваемой сфере общественных отношений. **Анализ.** Рассмотрены нормы Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающие ряд составов административных правонарушений экстремистской направленности. Критический взгляд автора на применяемые меры административного принуждения вкпе с учетом современных реалий, в которых государственная политика по консолидации общества вокруг национальной идеи перед лицом сложной совокупности внешних и внутренних вызовов позволил сделать вывод о целесообразности ужесточения

административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности, пересмотра отдельных положений об административных наказаниях. Несмотря на правоограничительный характер данных предложений, автором обосновывается их целесообразность в условиях растущего ввиду развития средств связи потока информации, недобросовестное использование которого способно создать угрозу национальной безопасности. **Результаты.** Предлагаемые автором меры направлены на повышение эффективности механизма административной ответственности с точки зрения его соответствия принципу соразмерности и эффективности в борьбе с проявлениями экстремизма.

Ключевые слова: административная ответственность, экстремизм, экстремистская деятельность, административный штраф, административное приостановление деятельности, блогеры

Для цитирования: Шетогубов П. А. О некоторых вопросах административной ответственности за правонарушения в области противодействия экстремистской деятельности // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 2. С. 313–320. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.18>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 12.02.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 14.05.2025.

Статья принята к публикации: 15.06.2025.

Research article

ON SOME ISSUES OF ADMINISTRATIVE LIABILITY FOR OFFENSES IN COUNTER EXTREMISM ACTIVITIES

Pavel A. Shetogubov

Saratov State Law Academy (104/1, N.G. Chernyshevsky St., Saratov, 410056, Russian Federation)
 Applicant
shetogyboff@mail.ru; <https://orcid.org/0009-0007-3002-6366>

Abstract. Introduction. The work is devoted to the analysis of certain issues of legal regulation of administrative liability for offenses in the field of countering extremism. Based on the author's understanding of these categories, the article attempts to construct a classification of administrative offenses of extremist nature. Analyzing the resulting set of rules on administrative offenses, the author focuses on part of the compositions, the generic object of which is public order and public safety. **Materials and methods.** The use of methods of formal legal analysis, coupled with an appeal to the positions of researchers of administrative responsibility for offenses in the field of countering extremism, made it possible to come to the conclusion that it is advisable to revise certain legislative provisions on the procedure for applying and the scope of administrative responsibility in the area of public relations under consideration. **Analysis.** The

norms of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses are considered, establishing a number of elements of administrative offenses of an extremist nature. The author's critical view of the applied administrative coercion measures, coupled with modern realities, in which state policy to consolidate society around the national idea in the face of a complex set of external and internal challenges, allowed us to conclude that it is advisable to tighten administrative liability for extremist offenses and revise certain provisions on administrative punishments. Despite the legal restrictive nature of these proposals, the author justifies their expediency in the context of the growing flow of information due to the development of communications, the unfair use of which can create a threat to national security. **Results.** The measures proposed by the author are aimed at increasing the effectiveness of the mechanism of administrative responsibility in

© Шетогубов П. А., 2025

terms of its compliance with the principle of proportionality and effectiveness in the fight against manifestations of extremism.

Keywords: administrative responsibility, extremism, extremist activity, administrative fine, administrative suspension of activities, bloggers

For citation: Shetogubov PA. On some issues of administrative liability for offenses in counter extremism activities. *Humanities and law research*. 2025;12(2): 313-320.

Введение. Экстремистская деятельность, представляя собой противоправную деятельность физических лиц, организаций, их объединений, основанная на радикальных идеях и взглядах и выраженная в применении насилия или в оправдании его применения в целях причинения существенного вреда основам конституционного строя и межличностных отношений, осуществления посягательств на государственные и общественные устои, относится к опаснейшим общественным явлениям, неся в себе совокупность рисков политического, идеологического и социально-экономического характера. Объединяя в себе основанную на насилии идеологию и насилие в целях идеологии, проявления экстремизма наносят колоссальный ущерб устойчивости институтов власти, размывая межэтническое и межконфессиональное согласие, ставят под угрозу территориальную целостность, в совокупность прямо посягая на устойчивость национальной безопасности.

Названные факторы, тем более актуальные в эпоху внешних вызовов, с которыми сталкивается сегодня Российское государство, требуют административно-правовых способов противодействия экстремизму, среди которых ключевую роль играет административная ответственность.

Административную ответственность за правонарушения в области противодействия экстремистской деятельности можно определить как вид юридической ответственности, установленный Кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ [7] (далее – КоАП РФ), заключающийся в применении судами к лицам, виновным в совершении административного правонарушения экстремистской направленности, административных наказаний, влекущих для правонарушителей наступление негативных последствий личного или имущественного характера.

Принимая во внимание авторский подход к определению административной ответственности за правонарушения в области противодействия экстремистской деятельности, необходимо определить круг административных правонарушений соответствующей (экстремистской) направленности, ответственность за совершение которых предусмотрена действующим КоАП РФ. Классификационным критерием для формирования соответствующей группы правонарушений в данном случае выступает релевантность деяний с распространением в любой форме радикальных идей и взглядов посредством применения насилия или оправдания его применения в целях причинения существенного вреда основам конституционного строя и межличностных отношений, осуществления посягательств на государственные и общественные устои. Следуя данной логике, можно выделить 8 составов административных правонарушений, сосредоточенных в главах 13 и 20, объединенных, соответственно, такими родовыми объектами административного правонарушения, как общественные отношения в области связи и информации, а также и общественный порядок и общественная безопасность.

(In Russ.). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.2.18>

Conflict of interest: the author declares no conflicts of interests.

The article was submitted: 12.02.2025.

The article was approved after reviewing: 14.05.2025.

The article was accepted for publication: 15.06.2025.

1. статья 13.15. Злоупотребление свободой массовой информации (ч. 2, 4, 4.1, 6);

2. статья 13.37. Распространение владельцем аудиовизуального сервиса информации, содержащей публичные призывы к осуществлению террористической деятельности, материалов, публично оправдывающих терроризм, или других материалов, призывающих к осуществлению экстремистской деятельности либо обосновывающих или оправдывающих необходимость осуществления такой деятельности;

3. статья 13.41. Нарушение порядка ограничения доступа к информации, информационным ресурсам, доступ к которым подлежит ограничению в соответствии с законодательством Российской Федерации об информации, информационных технологиях и о защите информации, и (или) порядка удаления указанной информации (ч. 3, 4);

4. статья 20.3. Пропаганда либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами (ч. 1, 2);

5. статья 20.3.1. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства;

6. статья 20.3.2. Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации;

7. статья 20.3.3. Публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности или исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий в указанных целях, оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации;

8. статья 20.3.4. Призывы к введению мер ограничительного характера в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц;

9. статья 20.29. Производство и распространение экстремистских материалов.

Выбранная совокупность составов административных правонарушений представлена в том же порядке, в котором отражена в КоАП РФ, однако их содержательный анализ в контексте рассматриваемой темы предлагается проводить, отталкиваясь от их объективной стороны и соотношения между собой, что выстроит их в иной последовательности. Как было отмечено, родовым объектом части нарушений выступает общественный порядок и общественная безопасность (пп. 4–8 вышеуказанного списка), остальные посягают на общественные отношения в области связи и информации (пп. 1–3). Субъектами каждой из этих двух групп нарушений выступают граждане, должностные и юридиче-

ские лица. Вместе с этим, первая категория, на первый взгляд, содержательно тяготеет к распространению и популяризации в различных формах личных убеждений, связанной с экстремистской деятельностью, тогда как вторая тяготеет именно к широкому тиражированию убеждений, которые могут принадлежать третьим лицам (в частности, если речь идет о средствах массовой информации). В то же время, такое разграничение едва ли можно признать состоятельным, прежде всего ввиду того, что в масштабы современной информатизации вкупе с доступностью для населения информационных технологий приводят к фактическому размыванию грани между автором той или иной идеи и средством массовой информации – явление блогинга приводит к объединению таких субъектов в одном лице. В связи с этим Е.П. Быков справедливо отмечает, что «экстремистская деятельность окончательно «сместилась» из зоны объективной действительности в область виртуальной реальности» [3, С. 13]. В настоящей работе хотелось бы остановиться на анализе составов административных правонарушений, родовым объектом которых выступает общественный порядок и общественная безопасность (пп. 4–8 перечня).

Материалы и методы. Исследование основано на сочетании методов формально-правового анализа и рассмотрения позиций исследователей в области административного права относительно проявлений экстремизма. Обращение к научной литературе вкупе с критическим взглядом на правоприменительную практику позволило автору сделать ряд выводов в отношении существующего механизма административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности.

Анализ. Говоря об общей характеристике административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности, следует отметить сравнительно новые составы, установленные ст.ст. 20.3.2, 20.3.3, 20.3.4. Реалии обострившегося после 2022 года геополитического давления на Российскую Федерацию, нашедшие выражение, помимо прочего, в агрессивной информационной войне против российской государственности, предопределили оправданное внимание законодателя к антироссийской риторике, звучащей не только извне, но и изнутри, что явно нацелено на подрыв доверия населения к институтам публичной власти, а потому должно подвергаться особой правовой оценке (по сравнению, к примеру, с традиционной, давно установленной уголовной ответственностью за оскорбление представителя власти, установленной ст. 319 УК РФ).

Начать рассмотрение представленной совокупности составов административных правонарушений в области противодействия экстремистской деятельности предлагается со статьи 20.3.1, устанавливающей ответственность за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, которая, несмотря на отсутствие явного указания на экстремистскую деятельность, закономерно относится исследователями к типичным правонарушениям соответствующей направленности [13, 2, 3]. С этим трудно не согласиться ввиду того, что характеристика объективной стороны правонарушения как «действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенных публично, в том

числе с использованием средств массовой информации либо информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть “Интернет”, если эти действия не содержат уголовно наказуемого деяния», так или иначе связывает данное нарушение с радикальными идеями и взглядами, которые находят выражение в применении насилия или оправдании его применения. Нацеленность правонарушения на причинение существенного вреда основам конституционного строя и государственным устоям может не носить явный характер, однако несомненным кажется значительный вред, причиняемый межличностным отношениям и общественным устоям, что в совокупности логически встраивает указанный состав в число административных правонарушений экстремистской направленности. Более того, широкое описание объективной стороны, при буквальном, расширительном толковании позволяет говорить о релевантности ее признаков ко всем остальным восьми правонарушениям, перечисленным выше, что делает состав, установленный ст. 20.3.1 своеобразным генеральным деликтом в ряду административных правонарушений в области противодействия экстремизму.

Характерной особенностью данного административного правонарушения является закрепление в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ) [17] ответственности за аналогичное деяние в случае привлечения к административной ответственности по ст. 20.3.1 КоАП РФ в течение одного года, что является типичным примером административной преюдиции (ст. 282 УК РФ). В то время, как ст. 282 УК РФ устанавливает во второй части квалифицированный состав, предусматривающий более строгую ответственность (за совершение преступления с применением насилия или с угрозой его применения; лицом с использованием своего служебного положения; организованной группой), состав по ч. 1 отличает от ст. 20.3.1 КоАП РФ сугубо количественный признак в виде численности совершенных деяний. Данная корреляция заставляет вернуться к дискуссии относительно наличия у административных правонарушений признака общественной опасности либо же общественной вредности. Представляется, что рассмотрение данного вопроса в контексте сферы противодействия экстремистской деятельности выглядит особенно сложным ввиду очевидной и безоговорочной опасности экстремизма для общества и государства. Бесспорным выглядит тезис Б.В. Россинского, который отметил, что рассматриваемое административное правонарушение, как и ряд других, снижает общественную безопасность в стране. Следуя этой логике, ученый делает вывод, что как федеральное, так и региональное законодательство России об административных правонарушениях содержит нормы, устанавливающие опасные для государства и общества деяния, что позволяет считать административные правонарушения общественно опасными деяниями [15, С. 39]. Вместе с тем, как было отмечено, простой арифметический расчет (по числу признаку однократности привлечения к ответственности за одно и то же деяние) не должен содержательно уравнивать административные правонарушения и преступления даже на примере такого деяния, как возбуждение ненависти или вражды. Критикуя такое количественное разграничение, В.М. Манохин и Ю.С. Адушкин справедливо указывали, что степень вредности преступлений такова, что создает иное, новое качество в виде общественной опасности, однако применение такого атрибута к административным правонарушениям

ставит вопрос о границах данного понятия, рискуя охватывать перечень нарушений от загрязнения тротуара до шпионажа [1, С. 54–55]. В связи с этим представляется более убедительной позиция саратовской школы административного права относительно характерного административной ответственности признака общественной вредности административного правонарушения, учитывая установленные положениями КоАП РФ отсылки к общественно-вредным последствиям таких нарушений.

Признавая оправданность более строгой ответственности за возбуждение ненависти или вражды в рамках административной преюдиции, следует отметить по-прежнему нерешенный вопрос относительно нормативного закрепления признака общественной вредности административных правонарушений в КоАП РФ, решение которого следует признать одной из актуальных задач реформирования современного законодательства об административной ответственности. Наиболее рациональным решением данного вопроса выглядит прямое указание на соответствующий признак в общих положениях кодекса.

Исследователями также отмечается излишнее, создающее риск смешения, сходство между совершением правонарушения по ст. 20.3.1 КоАП в форме действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды по признаку отношения к религии и ст. 5.26 КоАП РФ в форме умышленного публичного осквернения религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики либо их порчи или уничтожения [13, С. 53]. Вместе с этим ответственность по ст. 20.3.1 наступает за возбуждение ненависти либо вражды по признаку отношения к религии физического лица либо группы лиц, а по ст. 5.27 КоАП РФ – за надругательство над объектами религиозного почитания, которое, в свою очередь, может провоцировать вражду между различными социальными группами, объективно сосуществующими на фоне конституционного постулата о свободе совести и религиозных убеждений. Так, в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации указывается, что «при рассмотрении дел об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, подлечь установленному умысел лица на публичное осквернение религиозной или богослужебной литературы, предметов религиозного почитания, знаков или эмблем мировоззренческой символики и атрибутики» [9]. При этом следует отметить важность индивидуальной квалификации правонарушения с учетом всех обстоятельств дела в каждом конкретном случае ввиду того, что исчерпывающе закрепить перечень религиозных атрибутов, а там более предусмотреть список возможных способов их осквернения очевидно невозможно. Несомненна релевантность ст. 20.3.1 к правонарушениям экстремистской направленности, так как разжигание вражды посредством радикальных взглядов может осуществляться и через оскорбление чувств верующих. Приемлемые для одной социальной группы высказывания могут быть неуместным и оскорбительным глумлением для других, что можно рассматривать высказывание крайних идей и взглядов, в противовес с теми, что сакральны для части населения, исповедующей ту или иную религию. Как и везде, абсолютизация прав тут недопустима, а золотое правило нравственности проявляется наиболее ярко и показательно.

Ст. 20.3 КоАП РФ устанавливает административную ответственность за пропаганду либо публичное демонстрирование нацистской атрибутики или символики, либо атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой до степени смешения, либо атрибутики или символики экстремистских организаций, либо иных атрибутики или символики, пропаганда либо публичное демонстрирование которых запрещены федеральными законами, если эти действия не содержат признаков уголовно наказуемого деяния. Этой же статьей установлен еще один состав, подразумевающий ответственность за изготовление или сбыт, либо приобретение в целях сбыта соответствующей атрибутики и символики. Данные составы также характеризуются административной преюдицией, имея аналогичный состав в ст. 282.4 УК РФ. В то же время обращает на себя объем ответственности, в частности, для физических лиц, который представляет собой административный штраф в размере от одной до двух (либо двух с половиной) тысяч рублей. Верхняя граница размеров штрафа составляет пять тысяч рублей для должностных лиц и сто тысяч рублей для юридических лиц. Здесь примечателен акцент, что в описании состава акцент делается на такой разновидности экстремизма, как нацизм. Это выглядит оправданным ввиду чудовищного характера последствий нацистской идеологии, которые показала Великая Отечественная Война. В связи с этим пропаганда нацизма и его символов опасна не только причинением нравственных страданий ветеранам Великой Отечественной Войны или родным ее многочисленных жертв, но и риском оправдания соответствующих идей, который растет с течением времени, по мере ухода поколения ветеранов, своими глазами видевших зверства третьего рейха. В настоящее время с тревогой приходится констатировать примеры положительно отношения к нацизму, что создает риск возрождения этой губительной идеологии [20]. На фоне этого размер административного штрафа за пропаганду нацистской символики в размере тысячи рублей (или примерно двадцатая часть минимального размера оплаты труда, актуального на 2024 год [19]), согласно действующему КоАП РФ, выглядит категорически неприемлемым и требующим корректуры в пользу своего повышения.

Следует обратить внимание также на отдельные экстремистские организации, признанные таковыми сравнительно недавно, но широко распространенные в странах Запада. 30 ноября 2023 года Верховным Судом Российской Федерации удовлетворено административное исковое заявление Министерства юстиции Российской Федерации о признании международного движения ЛГБТ и его структурных подразделений экстремистскими, запретив их деятельность на территории Российской Федерации [4]. Вместе с введением в 2022 году запрета на распространение информации, пропагандирующей педофилию или способной вызвать у детей желание сменить пол данное решение стало закономерным проявлением государственной политики, направленной на сохранение и укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей [18]. Следует отметить, что, на первый взгляд, деятельность названного движения может не показаться традиционным примером экстремистских организаций, принимая во внимание важный признак экстремизма в виде применения насилия или оправдания его применения. При этом совокупность аргументов, послуживших основой для соответствующего решения Верховного Суда Рос-

сийской Федерации, выступает достаточной для признания движения экстремистским согласно действующему российскому законодательству, однако истинная причина для такого решения усматривается в другом. Ставшее известным американской практике явление так называемой «обратной дискриминации», когда борьба за права меньшинств приводит к настолько сильному перекосу, что дает обратный эффект, нарушая права большинства, ярко проявляется и в примере с сексуальными меньшинствами, спорная борьба которых за признание ряда явлений нормальными подчас носит агрессивный характер, приводя к абсолютизации прав человека, которая проявляется в искажении естественной природы человека и размывании семейно-нравственных ценностей. Скептически оценивая краткосрочный риск насаждения подобных настроений в российском обществе, нельзя не отметить потенциал подобных идей в искусственном создании нестабильности в обществе, совершения правонарушений. В долгосрочной же перспективе возможно размывание традиционных российских ценностей, имеющих принципиальное значение для устойчивости Российского государства, основой и основным источником власти в котором является многонациональный, многоконфессиональный народ, ценностное объединение которого объективно выступает важной задачей правовой политики.

Статья 20.3.2 КоАП РФ устанавливает ответственность за публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации с квалифицированным составом за совершение с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет») и также характеризуется наличием «родственного» состава в ст. 280.1 УК РФ и применяемого в порядке административной преюдиции.

В данном случае можно видеть совершенно иной подход законодателя к определению объема санкций – минимальный размер административного штрафа для физических лиц здесь составляет уже порядка полутора МРОТ, достигая тридцати тысяч рублей и вплоть до шестидесяти тысяч и от семидесяти до ста тысяч в случае применения квалифицированного состава правонарушения. Для юридических лиц размер административного штрафа может достигать трехсот и пятисот тысяч рублей соответственно. Ощутимый размер штрафных санкций выглядит закономерным ввиду значительной площади территорий России вкпе с высказываемыми геополитическими конкурентами заявлениями по поводу отдельных приграничных территорий и попыток оспорить их принадлежность России. Следует отметить, что ст. 280.1 УК РФ была введена в 2013 году, а ст. 20.3.2 КоАП РФ – в 2020 году. В сегодняшних реалиях актуальность государственного пресечения любого рода призывов к нарушению территориальной целостности Российской Федерации, как видится, значительно возросла, в связи с чем имеющийся меры административного наказания, предусмотренные ст. 20.3.2 КоАП РФ, могут не всегда отвечать принципу соразмерности административной ответственности. Это особенно релевантно для юридических лиц, в отношении которых даже административный штраф в размере пятисот тысяч рублей не всегда может являться действенной мерой наказания, в связи с чем диапазон размера санкции в данном случае предлагается расширить путем повышения верхней границы.

Ст. 20.3.3 предусматривает административную ответственность за публичные действия, направленные на дискредитацию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в целях защиты интересов Российской Федерации и ее граждан, поддержания международного мира и безопасности, в том числе публичные призывы к воспрепятствованию использования Вооруженных Сил Российской Федерации в указанных целях, либо на дискредитацию исполнения государственными органами Российской Федерации своих полномочий за пределами территории Российской Федерации в указанных целях, а равно на дискредитацию оказания добровольческими формированиями, организациями или лицами содействия в выполнении задач, возложенных на Вооруженные Силы Российской Федерации или войска национальной гвардии Российской Федерации. Квалифицированный состав конкретизирует объективную сторону правонарушения, указывая на совершение посредством призывов к проведению несанкционированных публичных мероприятий, а равно наличие угрозы причинения вреда жизни и (или) здоровью граждан, имуществу, угрозу массового нарушения общественного порядка и (или) общественной безопасности либо угрозу создания помех функционирования или прекращения функционирования объектов жизнеобеспечения, транспортной или социальной инфраструктуры, кредитных организаций, объектов энергетики, промышленности или связи. Данная статья была введена в марте 2022 года, в декабре того же года ее дополнила аналогичная ст. 280.3 УК РФ, применяющаяся в порядке административной преюдиции.

Принципиальным при квалификации выступает признак публичности действий, оценочность которого неизбежна и подлежит установлению в каждом конкретном случае на основе общеправовых положений, нашедших отражение, в частности, в определениях Конституционного Суда Российской Федерации [10, 11]. Следует согласиться с Д.В. Осинцевым, что принципиальным в данном случае будет воспроизведение информации в негативном ключе, даже если сведения носят достоверный характер либо характеризуются неопределенной точностью или вовсе не подлежат проверке. Решающее значение имеет проявление отрицательной установки, а не только фонетические, синтаксические и семантические способы доведения информации [12, С. 364].

Особую сложность в соразмерном и эффективном применении административной ответственности в данном случае имеет присущая информационному обществу возможность каждого, обладающего необходимыми риторическими навыками и минимальным набором технических средств, оказывать влияние на общественное мнение. Не обладая статусом средства массовой информации, человек может собрать на условном видеохостинге в сети Интернет многомиллионную аудиторию, что ставит вопрос о правовой оценке деяний, совершенных по ст. 20.3.3 КоАП РФ не в присутствии, к примеру, десяти человек в очной форме (что тоже образует признак публичности), а в отношении неопределенного круга лиц, число которых может расти в геометрической прогрессии. С одной стороны, это указывает на принципиально иные масштабы общественной вредности административного правонарушения, а с другой – ставит вопрос о соразмерности административного наказания для физических лиц, составляющего пятьдесят или сто тысяч рублей соответственно. Безусловно,

размер такого наказания применительно к среднестатистическому гражданину выглядит адекватным, однако в настоящее время стало очевидным, что успешное ведение видеоблога стало высокооплачиваемой деятельностью за счет участия рекламодателей [16].

С этой точки зрения крайне сомнительна эффективность административного штрафа, который, с одной стороны, может расцениваться недобросовестным блогером как плата за право вещать за рамками сознательной гражданской позиции, а с другой – создает риск дополнительного интереса со стороны лояльной аудитории. Учитывая характер антиобщественного злоупотребления свободой слова, которое создает угрозу устойчивости институтов государственной власти, более действенным средством в данном случае представляется ограничение свободы слова, которое должно гибко применяться судом с учетом личности правонарушителя и его способности оказывать влияние на общественное мнение. В этом контексте привлекает внимание такая мера административного наказания, как административное приостановление деятельности. Данная мера применяется к лицам, осуществляющим предпринимательскую деятельность без образования юридического лица, юридическим лицам, их филиалам, представительствам, структурным подразделениям, производственным участкам, что делает сомнительным применение к недобросовестным блогерам. В то же время, указание на применение данной меры к административным правонарушениям в области общественного порядка и общественной безопасности, а также посягающим на общественную нравственность выглядит вполне релевантным к рассматриваемому вопросу, что, вкупе с карательным потенциалом данной нормы, способно более эффективно повлиять на отдельные категории правонарушителей, чем административный штраф. Принимая во внимание продолжающуюся дискуссию относительно целесообразности установления правового статуса блогеров, явно указывающую на наличие множества пока нерешенных правовых вопросов в данной сфере вкупе с объективными рисками на фоне показанных изъянов в административной ответственности по ст. 20.3.3 КоАП РФ предлагается отнести к субъектам, в отношении которых применяется административное приостановление деятельности, физических лиц, что позволит судам в исключительных случаях применять данную меру в отношении недобросовестных блогеров, с учетом уровня их влияния на общественное мнение.

Ст. 20.3.4 устанавливает административную ответственность за призывы к осуществлению иностранным государством, государственным объединением и (или) союзом и (или) государственным (межгосударственным) учреждением иностранного государства или государственного объединения и (или) союза мер ограничительного характера, выражающихся во введении или в продлении политических или экономических санкций в отношении Российской Федерации, граждан Российской Федерации или российских юридических лиц, совершенные гражданином Российской Федерации и (или) российским юридическим лицом. Данное нару-

шение также фигурирует в ст. 284.2 УК РФ, применяемой в порядке административной преюдиции.

Рассматриваемое правонарушение представляется крайним проявлением антигосударственного экстремизма, учитывая современные условия гибридной войны, развязанной против России рядом западных государств. Под гибридной войной в данном случае понимается не только вооруженное столкновение, но и многочисленные агрессивные действия в информационном пространстве, а также экономические и социокультурные рестрикции, которые называют санкциями. Следует отметить, что данный термин сложно трактовать в качестве правового, учитывая, что здесь не идет речи о структурном элементе нормы, за нарушение которой наступает ответственность, так называемые «санкции» являют собой инструмент давления, оказываемого по политическим мотивам. Вместе с тем приходится констатировать становление данного термина как в обществе, так и в отечественном законодательстве, как можно видеть на примере ст. 20.3.4 КоАП РФ. Степень общественной вредности данного правонарушения выглядит максимально высокой, содержательно приближая к такому составу преступления, как государственная измена (ст. 275 УК РФ) с той принципиальной разницей, что под государственной изменой, помимо прочего, понимается переход на сторону противника в вооруженном конфликте. Современные реалии информационного общества, как отмечено, предоставляют широкое многообразие способов негативного межгосударственного воздействия, помимо вооруженного столкновения. Не углубляясь с дискуссию относительно формулировок ст. 275 УК РФ, отметим предельные размеры административного штрафа по ст. 20.3.4 КоАП РФ, составляющие тридцать, двести и пятьсот тысяч рублей для граждан, должностных и юридических лиц соответственно. Представленный объем штрафных санкций выглядит непропорциональным характеру посягательства на государственную безопасность, осуществляемому при совершении административного правонарушения по ст. 20.3.4 КоАП РФ, что требует коррективы в пользу их увеличения.

Результаты. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ряд составов административных правонарушений в области противодействия экстремистской деятельности, в целом, характеризуется соответствием стремительно меняющимся общественным отношениям, в которые определяющей чертой выступает широкая информатизация общества. Необходимость контроля за информацией вкупе с важностью адекватного и соразмерного реагирования уполномоченными органами власти на правонарушения экстремистской направленности требует пересмотра ряда законодательных положений об административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности в части объема штрафных санкций, а также категорий субъектов, в отношении которых применяется административное приостановление деятельности.

Литература

1. Административная ответственность в СССР / Под ред. В. М. Манохина, Ю. С. Адушкина. Саратов: Саратовский университет, 1988. 166 с.
2. Бородин В. В., Фурман В. П. Административно-правовое воздействие на лиц, подозреваемых в экстремизме // Социология и право. 2021. № 1 (51). С. 63–75.
3. Быков Е. П. К вопросу о совершенствовании института административной ответственности за правонарушения экстремистской направленности в Российской Федерации // Электронное сетевое издание «Международный правовой курьер». 2023. № 7. С. 13–23.

4. Ермолович Я. Н. К вопросу о признании международного общественного движения ЛГБТ экстремистской организацией // Военное право. 2024. № 2 (84). С. 92–99.
5. Захарова А. М. Правовое регулирование отношений в сфере массовой информации // Барометр экономики, управления и права. 2023. № 3 (35). С. 26–28.
6. Ким М. Н. Блоги: этапы становления и развития // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2023. Т. 14. № 1 (58). С. 86–90.
7. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Часть 1. Статья 1. 2024. № 26. Статья 3554. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 09.01.2025).
8. Костин Д. М. Необходимость легализации деятельности блогеров в России // Научный журнал. 2023. № 1 (66). С. 12–18.
9. Обзор судебной практики по делам об административных правонарушениях, предусмотренных статьей 5.26 “Нарушение законодательства о свободе совести, свободе вероисповедания и о религиозных объединениях” Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.06.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 12, декабрь, 2019. URL: <https://www.consultant.ru/about/presscenter/bulletin/y2019/m12/> (дата обращения: 09.01.2025).
10. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 2055-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Королева Игоря Валерьевича на нарушение его конституционных прав статьей 205.2 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124760/ (дата обращения: 09.01.2025).
11. Определение Конституционного Суда РФ от 28.03.2017 № 665-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Кашапова Рафиса Рафаиловича на нарушение его конституционных прав статьей 280.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс». URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28032017-n-665-o/> (дата обращения: 09.01.2025).
12. Осинцев Д. В. Административная ответственность за дискредитацию деятельности органов государственной власти // Сибирское юридическое обозрение. 2023. Т. 20, № 4. С. 355–366.
13. Равнюшкин А. В. Ответственность за правонарушения, предусмотренные ч. 2 ст. 5.26 КоАП РФ, совершенные по экстремистским мотивам // Алтайский юридический вестник. 2024. № 1 (45). С. 52–57.
14. Равнюшкин А. В. Проблемы квалификации совершения в общественных местах административного правонарушения, предусмотренного ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского Юридические науки. 2022. Т. 8 (74). № 2. С. 111–118.
15. Россинский Б. В. Административные правонарушения как угроза национальной безопасности // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. 2022. № 11. С. 30–40.
16. Самые богатые российские блогеры в рейтинге Forbes // Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo-photogallery/436383-samy-e-bogatye-rossiyskie-blogery-v-reytinge-forbes> (дата обращения: 05.07.2024).
17. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 25, ст. 2954; 2024. № 25, ст. 3397. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 09.01.2025).
18. Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2022. № 46, ст. 7977. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (дата обращения: 09.01.2025).
19. Федеральный закон от 19.06.2000 № 82-ФЗ (ред. от 27.11.2023) «О минимальном размере оплаты труда» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2000. № 26. Статья 2729. 2023. № 49 (Часть 3). Статья 8665. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27572/ (дата обращения: 09.01.2025).
20. Чествование карателя дивизии «Галичина» в парламенте Канады вызвало международный скандал // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2023/09/25/nacizm-pod-ovacii.html> (дата обращения: 05.07.2024).

Referneces

1. Administrative Liability in the USSR / ed. VM Manokhina, YuS Adushkina. Saratov: Publ. house Saratov University, 1988. 166 p. (In Russ.).
2. Borodin VV, Furman VP. Administrative and legal impact on persons suspected of extremism *Sociologija i Pravo*. 2021;1 (51):63-75. (In Russ.).
3. Bykov EP. On the issue of improving the institution of administrative responsibility for extremist offenses in the Russian Federation *Jelektronnoe setevoe izdanie «Mezhdunarodnyj pravovoj kur'er»*. 2023;7:13-23. (In Russ.).
4. Ermolovich YaN. On the issue of recognizing the international social movement LGBT as an extremist organization. *Voennoe pravo*. 2024;2(84):92-99. (In Russ.).
5. Zakharova AM. Legal regulation of relations in the sphere of mass media. *Barometr jekonomiki, upravlenija i prava*. 2023;3(35): 26-28. (In Russ.).
6. Kim MN. Blogs: stages of formation and development. *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravlenija RANHiGS*. 2023;14:1(58):86-90. (In Russ.).
7. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses dated December 30, 2001 No. 195-FZ in Collection. Russian legislation Federation. 2002. No. 1. Part 1. Article 1. 2024. Vol. 26. Article 3554. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
8. Kostin DM. The need to legalize the activities of bloggers in Russia. *Nauchnyj zhurnal*. 2023;1(66):12–18. (In Russ.).
9. Review of judicial practice in cases of administrative offenses provided for in Article 5.26 “Violation of legislation on freedom of conscience, freedom of religion and religious associations” of the Code of the Russian Federation on Administrative Offenses” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on June 26, 2019) in Bulletin of the Supreme Court Courts of the Russian Federation. Vol. 12, December, 2019. URL: <https://www.consultant.ru/about/presscenter/bulletin/y2019/m12/> (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
10. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 25, 2014 No. 2055-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Igor Valerievich Korolev about the violation of his constitutional rights by Article 205.2 of the Criminal Code of the Russian Federation”. Consultant-Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_124760/ (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
11. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 28, 2017 No. 665-O “On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Rafis Rafailovich Kashapov about the violation of his constitutional rights by Article 280.1 of the

- Criminal Code of the Russian Federation". Consultant-Plus. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-konstitutsionnogo-suda-rf-ot-28032017-n-665-o/> (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
12. Osintsev DV. Administrative responsibility for discrediting the activities of public authorities. *Sibirskoe juridicheskoe obozrenie*. 2023;20(4):355-366. (In Russ.).
 13. Ravnyushkin AV. Responsibility for offenses provided for in Part 2 of Article 5.26 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation, committed for extremist reasons in Altai Legal Bulletin. 2024;1(45):52-57. (In Russ.).
 14. Ravnyushkin AV. Problems of qualifying the commission of an administrative offense in public places under Part 1 of Art. 20.3 Code of Administrative Offenses of the Russian Federation. *Uchenye zapiski Krymskogo federal'nogo universiteta imeni V.I. Vernadskogo Juridicheskie nauki*. 2022;8(74);2:111-118. (In Russ.).
 15. Rossinsky BV. Administrative offenses as a threat to national security. *Kutafina. Vestnik universiteta imeni O.E. Kutafina*. 2022;11:30-40. (In Russ.).
 16. The richest Russian bloggers in the Forbes ranking in Forbes. URL: <https://www.forbes.ru/obshchestvo-photogallery/436383-samyebogatye-rossiyskie-blogery-v-reytinge-forbes> (accessed: 07/05/2024). (In Russ.).
 17. Criminal Code of the Russian Federation dated June 13, 1996 No. 63-FZ in Collection. Russian legislation Federation. 1996. Vol. 25. Article 2954. 2024. Vol. 25. Article 3397. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
 18. Decree of the President of the Russian Federation dated November 9, 2022 No. 809 "On approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values" in Collection. Russian legislation Federation. 2022. Vol. 46. Article 7977. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_430906/ (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
 19. Federal Law of June 19, 2000 No. 82-FZ (as amended on November 27, 2023) "On the minimum wage" in Collection. Russian legislation Federation. 2000. Vol. 26. Article 2729. 2023. Vol. 49. Part 3. Article 8665. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_27572/ (accessed: 09.01.2025). (In Russ.).
 20. Honoring the punisher of the Galicia division in the Canadian Parliament caused an international scandal URL: <https://rg.ru/2023/09/25/nacizm-pod-ovacii.html> (accessed: 05.07.2024). (In Russ.).